

Ле Динь Зан

7.10.66.

7 ОКТ 1966
"СЛАВА СЕВАСТОПОЛЮ"
г. Севастополь

НА СЦЕНЕ черноморцы отбивали атаки гитлеровцев. Батарея героев, со всех сторон окруженная врагами, стояла насмерть. Моряки, умирая, беззаветно верили в победу своего народа, в бессмертие своего подвига. Зрительный зал, затаив дыхание, жил тем, что происходило на сцене. В первом ряду сидел вьетнамец Ле Динь Зан. Руки его, лежавшие на коленях, сжимались в кулаки. В глазах — гнев и боль. Вероятно, его мысли были обращены к его народу, который так же мужественно защищал свое право на свободу и жизнь. Занавес закрылся. Закончился спектакль театра Черноморского флота «Песнь о черноморцах» Б. Лавренева.

Это было прошлым летом во время гастроль театр в городе Северодонецке. Я познакомилась с Ле Динь Заном на нашем концерте в клубе Лисичанского химического комбината и пригласила его на наш спектакль. Я узнала, что Зан, как он коротко называл себя, учился в Харьковском инженерно-экономическом институте и в Северодонецк был направлен на практику. Он довольно хорошо говорил по-русски. И вот он, очень волнуясь, поднимается на сцену. Тонкий, как тростник, он похож на пятнадцатилетнего юношу, хотя ему уже 27. Он пожимает руки актерам и говорит:

— Спасибо. Мой народ учится у вашего народа, как нужно сражаться и побеждать. Спасибо!

В этот вечер Ле Динь Зан рассказывал о далеком Вьетнаме, о том, что весной будущего года он защитит диплом и будет счастлив вернуться к своему воюющему народу и приносить ему как можно больше пользы. Там его ждет мать, он у нее единственный сын, и она очень верит в него. Мы расстались, но Зан начал писать мне, и я аккуратно отвечала на каждое его письмо.

В письмах он подробно рассказывал о событиях своей жизни — об учении, делился мыслями и мечтами.

«...Я часто вспоминаю ваш спектакль, — писал Зан, — и думаю о наших героях. Наш славный сын вьетнамского народа Нгуен Ван Чой хотел уничтожить американских захват-

сику. От мамы долго не было писем, и я успокоился. Вчера пришло от нее письмо. Она шлет вам привет. Опять бомбили нашу деревню, погибла соседка и ее отец...».

Все чаще приходили ко мне приветы и добрые пожелания от далекой матери Зана. Мне кажется, что я видела эту женщину и знала

— Посылайте простым, — посоветовала почтовая служащая. — Если пробьется ваше письмо сквозь огонь войны, то дойдет и простым. Только... — она безнадежно махнула рукой, мол, разве дойдет, если там война?

Но мое письмо пробилось! Не знаю, через какие препятствия, через какой огонь бережно пронесли его добрые люди, но доставили адресату! Ведь на нем в обратном адресе стояло: СССР!

«Ваше письмо дошло до Ханоя, — пишет Зан. — Первое письмо на русском языке пишу вам...».

И он подробно описывает, как добирался во Вьетнам, как не раз лежал ничком на рисовых полях, спасаясь от американских бомб.

«...Нам очень трудно, — заканчивал он свое письмо, — но мы работаем, живем и держим в руках оружие против американских агрессоров. Я уверен, что победа будет за нами. Каждый из нас несет ненависть в сердце. Американцы должны уйти из Вьетнама, наше небо будет чистым, наш народ, в том числе и моя мать, будет жить спокойно и строить новую жизнь. И тогда я смогу написать вам: приезжайте к нам в гости! До свидания, жду письма от вас, ваш вьетнамский сын — Зан».

Мой вьетнамский сын! Каждый прожитый тобой день — это подвиг. Каждый прожитый день твоего воюющего народа — это великий пример доблести и мужества для всего человечества. И я верю в победу твоего народа, как верила в победу русских воинов над фашистскими выродками. Верю, что приеду к тебе, Зан, в свободный Вьетнам, обниму твою маму, и мы с ней, по обычаю женщин всех народов, всплачем на радостях, а тебе скажу: «Здравствуй, мой вьетнамский сын, поздравляю с Победой!».

М. СПЕНДИАРОВА,
актриса театра Черноморского флота.

МОЙ ВЬЕТНАМСКИЙ СЫН

чиков в ресторане города Данонга. Он погиб как герой. Ему было 23 года»...

«...Я писал моей матери, — сообщал мне Зан в другом письме, — и передал привет от вас. Рассказал о встрече с вами. Моя мама живет в провинции, которая все время подвергается бомбардировке. Там работают и учатся только ночью. Дети ночью ходят в школу...».

И картины борющегося Вьетнама вставали передо мной все явственней и ближе. Я видела тоненькие фигурки детей, пробирающихся в ночном мраке в свою школу, детей, в глазах которых не детское горе и мужество.

Дружба моя с Заном обобщала те чувства, которые рождались ко всему вьетнамскому народу. Читая его письма, я видела деревни, объятые огнем напалма, хрупких измученных женщин, в безмолвном горе поднимающих убитых детей и сражающихся с оружием в руках. И братьев его по крови, упорно и бесстрашно несущих на своих плечах бремя беспримерной по своей жестокости и цинизму войны.

«...Сегодня идет снег, — писал Зан. — Я подготовил большую часть дипломного проекта. По вашему совету я читаю русскую клас-

сическую литературу. От мамы долго не было писем, и я успокоился. Вчера пришло от нее письмо. Она шлет вам привет. Опять бомбили нашу деревню, погибла соседка и ее отец...».

Письма Зана догоняли меня в гастрольных поездках, успевали приходиться во все города.

«Я написал домой, что вы — моя русская мама».

И вот Ле Динь Зан, защитив дипломный проект и став инженером-экономистом, возвращается на родину. Он пишет, что бесконечно благодарен русским за все, что они сделали для него, за дружбу и помощь.

«Я хочу, чтобы вы когда-нибудь приехали к нам в гости. Приезжайте к моей маме. Вы и мама поймете друг друга без переводчика: очень далеко по расстоянию, но очень близко по душам».

Ле Динь Зан оставил мне свой адрес во Вьетнаме. Когда я принесла на почту первое письмо, адресованное в Ханой, мне сказали, что заказным принять его не могут, так как я что-то не так написала на конверте.